Леонард Золотарёв

За околицей

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

ИЗБРАННОЕ

К 200-летию
Афанасия Афанасьевича Фета

Орёл, 2019-2020

ББК **92**
УДК **3 (2)**
3-80

З-80 Золотарёв Л.М. «За околицей». Избранное. – Орёл, 2019-2020. – 40 с.

Книга поэзии «За околицей» Леонарда Михайловича Золотарёва представляет внешнее и внутреннее художественное единство. Во-первых, это единство места (Новосёлки и его окрестности – место рождения великого русского поэта Афанасия Афанасьевича Фета). Во-вторых, единство событийного ряда, например, война и мир, отделённые друг от друга во времени. В-третьих, единство, уходящее в недра истории, однако связанное с современностью.

Книга Леонарда Золотарёва «За околицей» соответствует своему названию. Именно тут, в Новосёлках – этой жемчужине Мценского края – проходит Фетовский литературный праздник в день рождения поэта. Тут читаются стихи как самого Афанасия Фета, так и современных авторов, звучат народные песни, жители окрестных сёл и деревень водят хороводы вокруг берёзок мценской стороны.

Книга «За околицей» рекомендуется массовому читателю всех возрастов различных вкусов и интересов, всем, кто любит поэзию, живое художественное слово, свою национальную культуру.

© Леонард Золотарёв, 2019-2020

РОДИНА

РОДИНА

И океан над нею вспенится,
Комета ухнет в тишине.
Но никуда она не денется,
А потому что вся во мне.

РОДНАЯ РЕЧЬ

«Ты хранись в нас, о русская речь…»
Ты хранись в нас, о русская речь,
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сберечь,
Русь святая себя сохранит.
Сохранит землю русскую сын,
Сохранит сына русская мать.
Будем ей, молчаливой, внимать
Под гортанные скрипы осин.
Под тележный заржавленный звук,
Под кровавые просыпи рос.
Был мой дедушка великоросс,
Не согласен на малое внук.
Ты хранись в нас, о русская речь,
Русь, Россия, родимая, мать.
За неё уж пришлось в землю лечь,
за неё ещё будем стоять.

МОЯ СЕРЕДИННАЯ

С детства помню горькой и победной.
Чем оберегала, чем своя?
Вроде испокон считалась бедной,
Нищей серединная моя.
Но сама с осколками под сердцем,
Из руин, окопной глубины,
Вытянула нас, давая хлебца,
Христа ради, сиротам войны.
Вот живу – и, нет, не наглядеться.
В удивленье жизнь моя прошла,
Как в такое маленькое сердце
Ты вместиться, Родина, смогла?

ГЛАГОЛЫ

Слова, слова, а нужно лишь одно.
Своё на вес, на цвет, на вкус и запах.
В строку улечься, в ритм войти должно –
Пружинистое, как сердечный клапан.
Твой дом – слова. Твои слова – дома.
Ты в них живёшь. Имей такую смелость,
Так обживай дома свои – тома,
Бездомным чтоб войти туда хотелось.
В грозу любую эта крыша – их,
Твои дома – людское достоянье.
Когда к тебе приходит проза, стих,
Ведь это ты молчать не в состояньи.
Глаголь же, совесть! Плавь родную речь!
Цели и рань, вставай и падай снова.
Хоть каждый день клади себя на меч,
Чтоб остро было, живо было слово.

МАЛОАРХАНГЕЛЬСК
Степная песня

В когорте малых городов,
Возможно, и не самый малый, -
Он весь из парков и садов.
На стелах павшим звёзды алы.
Мы тут живём, на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом.
Где ключ Оки, родные песни
И синий – синий окоём.
Моё высокое раздолье -
Плесни из кружки, и течёт
Одна река – на Чеморье,
Другая – до каспийских вод.
Как назвала Екатерина,
Так и стоим мы на своём.
Малоархангельск – слово длинно,
Но кратко – на сердце моём.
Он крепко сшит и ладно скроен,
Георгиевский кавалер.
Как у Москвы святой Егорий
Венчает наш духовный герб.
Мы у архангелов в чести.
Как Феникс, восстаём из пепла…
Любимый город мой, расти!
Да будет мне с тобою светло.

МЫ ВЫМИРАЕМ, РУСЬ, МЫ ВЫМИРАЕМ

Мы вымираем, Русь, мы вымираем!
Звезда – полынь, тебя за то виню,
Я каждый год имею дело с раем
Я – что ни год, то друга хороню.
Они уж там, они – мои святые.
А тут по ним чернеет скорбь травы.
Всё меньше тех, с кем был всю жизнь на «ты» я.
Всё больше с кем, конечно, я на «вы».
Куда идём? За что мы натерпелись –
Потерянные дети той войны?
И снова бродят пастыри и ересь
Среди несуществующей страны.
Мы – призраки, мы – дырка на медали.
Кричи, кричи над ним грачиный грай!
Его вот с этим холмиком сравняли,
При жизни не впустив в тот самый рай.
Ударит ком о крышку гроба глухо.
Он был мой друг. Прости, святая Русь!
Себя хороним, а земля ей пухом.
Я тихо-тихо в голос ей молюсь.
Россия, Русь, спаси, себя, спаси!
Не дай иссякнуть людям на Руси!
Не дай погибнуть слову в наши дни!
«Россия, Русь, храни себя, храни
Во имя отца и сына и святого духа.
Аминь.

ПОЯС БОГОРОДИЦЫ

Начинается с кружки, кончается морем
Среднерусская эта река.
Опоясав Орёл, течёт на просторе
Богородицы пояс – синеокая наша Ока.
Глазастая, под ивами, берёзками.
В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.
До Волги, ой, сторонка глазуновская,
Окою просияла по Руси.
Былинная, таланная, желанная,
Дай хоровод затеем, заведём.
Расстелемся, как скатерть самобраная,
По берегу к Есенину пойдём.
Размахнись, наша песня широкая!
Подмигни, уведи в окоём!
Мы живём тут, моя синеокая
Открывается этим ключом.

* * *

Напомни, Родина, о храме,
Дух сотворяющем живой,
Когда талант уходит в камень,
А камень – в небо головой.
Напомни, Родина, о фресках,
Молящих во спасенье лиц.
Когда под купол этот дерзкий
Движенье кисти клонит ниц.
Напомни, Родина, о звуках,
страстях, стозвонящих в стенах,
Что пели певчие по крюкам,
И тайна стынет на устах.
Сумеем ли в неё пробиться,
В её божественную стать?

А тут хотя бы научиться
Коло-колоколам внимать.

ЕЛИСЕЕВСКОЕ ПОЛЕ

Рядовому Василию Елисееву
Пахали поле, выпахав останки
Солдата, погребённого войной.
Дрожали письма на руках крестьянских –
Полуистлели, сделались трухой.
И всё же имя это сохранили:
«Был Елисеев… восемнадцать лет…»
На нём же рожь могучую косили,
В любви встречали не один рассвет.
Скорби же, Елисеевское поле,
Простреляннная русская земля!
Не будь тебя, ещё какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля!

ПЛАКАЛА КОРОВА

Шёл сорок третий. Немцы, отступая,
Жгли городок. И к нам беда вот-вот.
Дед вывел коровёнку из сарая
И бросил за садами: пусть живёт…
Замкнулось небо. Пламя озверело.
Рванулись в погреб все снега зимы.
В саду корова – Манечка ревела,
Ей было страшно, как горели мы.
А утром двор был пуст, чужой, пригашен.
Не верилось пустынной тишине.
И вдруг – разведка. «Наши! Наши! Наши!!!»
Хлеб- соль! А чем? Всё сгинуло в огне.
И мать доила Маню спозаранку:
«Ну, милая, родная, выручай!»
Она ласкала Манечку – белянку,
Она молила хоть бы каплю в банку,
Тянула вымя, мяла сгоряча.
И Манечка дыхнула в наши лица,
Переступила, глянула в глаза.
И на её белесую ресницу
Вдруг выкатилась крупная слеза.
Созрела, подержалась и упала
На чёрный снег, на обожжённый снег,
Она, корова, что-то понимала,
Она, корова, от войны устала,
Она, корова, плакала за всех.
…Идут года. Непраздно и сурово.
Смотрю живущим, как себе, в глаза.
Но вспомнится, как плакала корова,
У самого накрутится слеза.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

«Бессмертный полк шагает по России…»

В алом венчике из роз впереди Иисус Христос.
А.Блок. Из поэмы «ДВЕНАДЦАТЬ».

Бессмертный полк шагает по России.
Возник живой, как эхо поколений.
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
Легли на главном, на московском направлении.
Три сына дедушки ушли и не вернулись.
Несу над ними дедушкин портрет.
У Вечного огня дай постою, поэт,
Мы выстояли, брат мой, не согнулись.
Бессмертный полк шагает по России.
По городам, по памяти земли.
Три сына деда: Гавриил, Максим, Василий,
Три моих дяди первыми легли.
Гляжу в огонь, колышатся в нём лица,
Остановлюсь, прищурюсь на момент,
И вижу я, в полк строится столица,
И впереди с народом Президент.
Бессмертный полк шагает по России,
И в том полку, живом, в колонне той
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
И дедушка мой с ними, как святой.

Бессмертный полк шагает по планете,
А в том полку и взрослые, и дети.

КРАСОТА

ЖЕНЩИНЕ, ПРОШЕДШЕЙ МИМО

Кипела улица в водовороте дня.
И, узкая вся, в дымке – чёрной стати,
Вдруг женщина прошла мимо меня,
Качнув фестоном траурного платья
Священна боль, величие во всём.
И эта ножка с древнеримских статуй.
Я упивался ею, как вином,
И утонул в той страсти непочатой.
О молния! О ночь и озаренье!
С вас началось моё преображенье.
Увидимся ли вновь здесь
Или там, в потусторонней дали?
Не знала ты, кто я, не ведаю, кто ты,
Но я б тебя любил, мы оба это знали!

КРАСОТА

Прекрасна я, как в камне спящем эхо.
И кто-то пал, ударясь мне о грудь.
А в ком любовь, тот создан для успеха,
Он мой Поэт, он – вечность, Млечный путь.
Парю в лазури – лебедь молодая,
Белее снега, холоднее льда.
Я – Красота, недвижна и горда я.
Слеза и смех – я выше их всегда.
Они сожгут себя, мои поэты,
В трудах души, во цвете своих дней,
Чтоб только я питала их сонеты,
Во имя благосклонности моей.
В два зеркала возьми и оглядись:
Прекрасен мир, покуда длится жизнь.

ПОГОНЯ

Медведь пугнул оленя у ключа.
Метался, тонконогий, от медведя.
Рога ветвями стлались по плечам,
Копыта колотили гололедье.
Вот через ров. Вот через речку. Миг –
И позади мохнатая погоня.
Вдруг в ветку ветвь, и хрустнул хрупкий вихрь.
Упал олень и ногу тянет, стонет.
Но надо встать: там по пятам медведь.
Рвануться из предсмертья, из агоний.
А тот сопит, тому своё успеть.
Он хищник, он же создан для погони.
Снег мечен кровью по холстам зимы.
Жизнь мечена случайностью, звездою.
Он вышел на высокие дымы
И замотал ветвистой головою.
Он жался к людям, раненый олень.
Он верил им, в груди ещё светило.
Но угасал его последний день,
Сжимался зовом оленихи милой.
Лес был ночным покоем растревожен.
«Не повезло», – вздохнули из сеней.
И брызнул зверь на голос нервной кожей,
Косил, дикарь, на избы и людей.
Глядел на нож тоскующе, шалело.
Смертельный холод крался по губе.
И сделал нож своё простое дело,
И каждый что-то выгадал себе.
Какую страсть на шее горделивой
Лесная глушь пересекла, как нить.
За красоту, в момент её счастливый,
Всей жизнью вдруг приходится платить.

ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слёту.
Я люблю мой зелёный берёзовый стих
И мою голубую работу.
Высоко- высоко надо мной небеса,
Голубое хмельно и бездонно.
Я зелёные слышу в себе голоса,
Из меня выпирают иконно.
Голубое до неба – моя вертикаль,
А зелёное – по горизонту.
Сквозь меня этот крест, через сердце эмаль.
Фаберже, что ли, по Геллеспонту.
Моё сердце возьмёт голубой океан
И вернёт его мне золотое.
Под берёзой сижу я, задумчивый Пан,
И любуюсь и ей, и собою.

ГЛАЗАСТАЯ МАДОННА

Они стояли перед ней в музее –
Два мужика, два брата-крепыша.
Всё обежали, всё переглазели,
А тут застыли, смотрят не дыша.
«Вот это да! Желанная! Вот эта!»
И вдруг, как бы из прожитых веков,
Она сошла к ним с тусклого багета.
Идёт, тревожит, мучит мужиков.
«Да кто ж её нарисовал такою?
Глазастая, с ребёночком, в венке…»
Идёт она и поднятой рукою
Всю душу обрывает в мужике.
Летит душа, плывёт под облаками.
Когда б узнал, что есть она, жива?
«Всё, как волы, телегу тащим сами,
Везём свой воз, судьба уж такова,,,»
И вдруг один, оторопев от дива,
Шагнул, чтоб не слепил мадонну свет:
– Послушай, ведь она же не красива!
– Всё может быть, – другой ответил живо. –
Зато прекрасна! И прекрасней – нет!!

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ»

Собрались двенадцать апостолов.
Все святы, но кто же предатель?
Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель.
Вздохнул убелённый Учитель:
«У совести все мы в долгу.
Змею / да не скроет обитель /
Ищите вы в вашем кругу»,
Повисло глухое молчанье.
Косились. Кипело всё. Жгло.
Сказал Леонардо печально:
«Само назови себя, Зло!
Рассядьтесь, все честные, по столу.
А веру предавший уйди…»
Сидят все двенадцать апостолов,
И всё у святых впереди.

ТРИ СЕСТРЫ

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Если вдаль ведёт тебя Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.
Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от всех своих тревог.
Если верой держится Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.
Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал в пути и занемог.
Но живёт Надеждою Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.
Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Три сестры сжимают посох твой,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

ЗОЛОТИСТАЯ РОЗА

С куста подмигнёт золотистая роза,
Росинками вспыхнет, искрит.
А только дотронься, как тут же занозу
Она, молодая, вонзит.
О, женщина с розой!..
Вдруг остренько шило
Кольнёт выше ушка её.
Красавица сада сопернице милой
Так выскажет горько своё.
И капелька крови. И ала заноза.
Замрут каблучки вдалеке.
Лежит, не нужна, золотистая роза
Одна в раскалённом песке.
Над садом заходят июльские грозы
И – боже! – свежа и чиста,
Другая другим золотистая роза
Свисает с того же куста.

* * *

Тело будет предано земле,
Дух же мой развеется ветрами.
Проплывёт седыми облаками,
Восходя от речек и полей
Облака сомкнутся, закипят,
Обернутся тучными дождями.
Упаду стеной в свой старый сад –
В городок свой, на свой домик, к маме.
Соками антоновку налью,
Семячками щёлкну в мякоть, – слышишь?
Падать вниз, к земле своей, люблю,
Чтобы снова подниматься выше.

НАШ ДОМ

Враг отошёл, оставив пепелища.
Труба да печь, да дым над головой.
Ещё война, ещё осколки свищут,
Но надо жить и воевать с бедой.
Из блиндажа бревнина на бревнину
Не приподнять, как отощали мы.
Нам эту вот дубовую тесину
В простенок уложить бы до зимы.
До холодов, до школы – вот задача!
Мне в первый класс, и я уже большой.
Мать, дедушка и я (такая кляча!)
Везём свой воз – не силой, а душой.
Да эту кладь не вывезла б и лошадь!
Но лошадь что, она не человек.
Не довоенный – чуточку поплоше,
Да вот живём, на крышу валит снег.
Когда стихи о снежной той пороше
Впервые, так волнуясь, я писал,
Подумалось, какой же он хороший,
Наш дом, что сам возил, рубил, тесал.

ПРОЩАНИЕ С КИЕВОМ

Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить,
Француженка – тонкая грация.
Дрожит, не оборвана нить.
Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено всё.
О, это различие в нациях!
Вы, русские, странны, месьё!
Над Киевом чайки кричали
С холмов на Великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь.
Днепровская, чуть с голубинкой.
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В её пикардийских глазах.
Вот так и стоит среди зноя
С цветами, как огненный флаг.

Прощается Киев со мною,
В её утопая руках.

МОЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Нюре и Ивану Тихоновым –
друзьям-крестьянам
из посёлка Синяевский

Шагну за дверь и упаду в траву.
Автобус тихо скрипнул и ушёл.
А я лежу, а мне тут хорошо.
Зову, зову – ау, ау, ау!
За рощей и родная деревенька!
Дворы мои, затерянная Русь!
Вот постою, передохну маленько,
А там уж как-нибудь и доберусь.
Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
«Прешпекты» гладки – жизнь на них крутая.
Иду, иду – «раи» в душе летают,
Концы с концами в мыслях не сведу.
И гром по мне, и пробегают блики.
И пятки в кровь, татарник подо мной.
А предо мной всё пращуры, всё лики,
Все сотни лет на ниточке одной.
Встречай меня, затерянная Русь!
В окошко стукну: «Как оно живётся?»

И каждый раз, как только доберусь,
Боюсь, вдруг радость эта оборвётся.

ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

Своими я зелёными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?
Стареем мы, сполна даётся сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зелёный цвет.
Своими я зелёными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того – она не человек.
Стареем мы, сполна даётся сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зелёный цвет.
Мы все уйдём, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда.
Уходит день за днём, и слава богу.
Приходит ночь, и это не беда.
Своми я зелёными глазами
Гляжу на жизни прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лёд и пламень!
Не выпадай, зелёный из огней.

СТАРЫЙ РЫНОК
(отрывок)

Мы – поэты с реки, вроде как моряки.
Заштормило нас всех, закачало.
Уж не помню, когда ел я те шашлыки,
Спал под крышей, а не у причала.
Но как только весна, только вздрогнет блесна,
Вижу – Солнце в реке заиграло.
Так и рвутся стихи – раздуваю мехи,
Открываю, как рыцарь, забрало.
Я в ударах судьбы слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И, как старый солдат, погибая стократ,
Со щита во весь рост поднимаюсь!

ПОЮЩАЯ ДУША

Чуть отдохнёт и снова за своё
Моя непокорённая душа.
И, медля умирать, а жить спеша,
Пока есть голос, слышите, поёт!
Они – всё про борьбу свою, про ту,
Что им на лапу кое-что кладёт.
А я – про Красоту, про Красоту,
Которая сама себя поёт.
Они – все правоверные, все те,
Что всё кладут, а некуда уж класть.
А я – про Красоту на высоте,
Которая нам не даёт упасть.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Тук-тук, тук-тук, тук-тук …
Яблоки падают, падают сами.
Где-то поблизости дятел стучит.
Малоархангельск живёт голосами,
Материн сад в моём сердце звучит.
Звуки немерены. Звёзды бездонны, -
Преображаются в Яблочный Спас…
Где-то в Осетии падают бомбы.
Что же ты, Спас тишину нам не спас?
Ёжик по яблоку носит, по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый. Весь мир мироточит,
Преображёнными делает нас.
Яблоки, яблоки падают в осень.
Трель мимолётную дятел строчит.
В Малоархангельске с облака впросинь
Песня дождя всё смелее звучит:
Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

ЛЕТО

Ах, лето красное! Любил бы я тебя.
А.С. Пушкин

Как грустен мне август, с чего бы?
Откуда вселенская грусть?
Но очень уж хочется, чтобы
Спокойней жила наша Русь.
Подольше бы видеть зелёной,
Чтоб лету всё быть впереди.
Чтоб груше прозрачно-ядрёной
Не чмякнуться где-то в груди.
Чтоб всё перед нами светило,
Божественный длился глагол.
Чтоб солнышко утром всходило,
Чтоб детство вернулось и было,
Чтоб сердце народы любило,
Чтоб Пушкин домой к нам зашёл.

ИМЯ ТВОЁ

Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбуждён,
Неся домой в кошёлке апельсины.
И вот он, сын, на белый свет рождён!
И я назвал торжественно, по-русски,
Как искони в краю моём велось,
Его глаза, весь мир его неузкий,
Высокий лоб, фамильных ширей кость,
Достоинства, какие после сыщут, -
Он, знаю, будет счастлив и красив, -
Всю жизнь его на сотню лет, на тыщу
Он изначала матери Руси.
Мне это имя – от неё награда
И вера, что не будет нам конца.
«Князь Игорь», – называла мужа Лада,
И просто «Игорь» у меня – отца.
В нём дань моя и преданность России,
К полёту страсть, как у орла в крыле.
Где б ни был сын, куда б ни заносило,
Он в отчей успокоится земле.
Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбуждён.
И вот вдвоём – теперь уже мужчины –
Одной дорогой вышли и идём.
Не на прокат, не отнят и не выменен –
Твой княжий титул вечен на Руси
Гордись, мой сын, своим славянским именем
И имя это с гордостью неси.

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Страдаю, как уходят дни.
Как пролетает Времяя, боже!
Все до минуты, все они –
Моя шагреневая кожа.
Найти слова, свои слова.
Без них мир просто невозможен.
Пока она ещё жива –
Моя шагреневая кожа.
А ведь единственнна, одна.
Уже с ладонь, а дышит всё же.
И в этом вся она, она –
Моя шагреневая кожа.

КИПАРИС
(Зелёные деревья)

Семеновскому Ивану Алексеевичу,
моему учителю

Он рисовал зелёные деревья
Со школьной парты, с юношеских лет.
И с замираньем сердца вся деревня
За ним следила, говоря: «Поэт!»
И вот уже учитель в той же школе –
Он рисовал теперь для детворы.
И годы пролетали поневоле,
И уходили целые миры.
А он всё рисовал свои деревья –
Во цвете жизни, в искорке надежд.
– Смотрите, – говорили по деревне, -
Он всё рисует, пишет для невежд.
Уж осенью дышало на планете,
А он всё рисовал в ключе своём.
– Смотрите, – говорили ему дети. –
Они ведь золотые за окном.

Он рисовал зелёные деревья!
Зима и лето – было всё равно.
– Смотрите, – говорили ему дети,-
Они ведь уже белые давно.
Да и ему виски посеребрило.
Признания ни где-то, ни в семье.
А он всё рисовал не то, что было:
Зелёные деревья на земле!
Ушла жена. Спиною повернуло
К нему его согбенные года.
Деревня на него давно махнула,
как и махнули прежде города.
А он всё рисовал… И вот весною
На этот его траурный абрис
Приехал ученик один с женою
И посадил зелёный кипарис.

МОЁ ЗАВЕЩАНИЕ

Спасибо, край мой, вы – родные люди,
Что научили петь и говорить.
Пока мы есть, пока мы с вами будем,
Не перервётся золотая нить.
Вот слушаю, как пишет Орлик вешне,
Вот Михаил – Архангел впереди,
А вижу вас, а слышу ваши песни,
А сердце ваше у меня в груди.
Пою о вас, о вашей я свободе, -
В жестокий век пришёл и говорю!
О красоте, о совести в народе, -
Вот мои боги, их боготворю.
Спасибо, край мой, вы – родные люди,
Что научили голову держать!
Пока мы есть, пока мы с вами будем,
Жива и Русь моя, Россия – мать.
Я вам, РОДНЫЕ, слово завещаю –
Оно от вас, от солнца, от травы.
Простите, если что… я вам прощаю…
Мой памятник навечно – это вы!

АЛЁШНЯ

И.А. Грачёву

Алёшня в пойме, травяной настой.
Страна ракит в берёзовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде алёшненской стою.
Я – русый конь в упряжке ременной.
Воз с перемётом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут вневременной!
Как дёрнут – оборвут, боюсь, уздечку.
Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!
По всей Алёшне от берёз светло.
По всей долине тянется туман.
Неси, Алёшня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

РОДИНА 3
РОДНАЯ РЕЧЬ....4
МОЯ СЕРЕДИННАЯ 5
ГЛАГОЛЫ 6
МАЛОАРХАНГЕЛЬСК 7
МЫ ВЫМИРАЕМ, РУСЬ, МЫ ВЫМИРАЕМ 8
ПОЯС БОГОРОДИЦЫ....9
НАПОМНИ, РОДИНА, О ХРАМЕ... 10
ЕЛИСЕЕВСКОЕ ПОЛЕ....11
ПЛАКАЛА КОРОВА 12
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК 13

КРАСОТА

ЖЕНЩИНЕ, ПРОШЕДШЕЙ МИМО 14
КРАСОТА....15
ПОГОНЯ....16
ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ 17
ГЛАЗАСТАЯ МАДОННА 18
«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ» 19
ТРИ СЕСТРЫ....20
ЗОЛОТИСТАЯ РОЗА 21
ТЕЛО БУДЕТ ПРЕДАНО ЗЕМЛЕ... 22

НАШ ДОМ.....23
ПРОЩАНИЕ С КИЕВОМ.....24
МОЯ ДЕРЕВЕНЬКА.....25
ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА.....26
СТАРЫЙ РЫНОК.....27
ПОЮЩАЯ ДУША.....28
ЯБЛОЧНЫЙ СПАС.....29
ЛЕТО.....30
ИМЯ ТВОЁ.....31
ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА.....32
КИПАРИС.....33
МОЁ ЗАВЕЩАНИЕ.....35

ЛЕОНАРД МИХАЙЛОВИЧ
ЗОЛОТАРЁВ

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

ИЗБРАННОЕ

Корректура автора

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Новое время», ул. Итальянская, 23.
Заказ №812.

В Кореной Пустыни
откуда видна Воробьёвка –
имение А.А. Фета

«За околицей».
Избранное

Леонард Золотарёв.
Из книг поэзии:
«Духов день»
«Арсений Чигринёв»
«Неопалимые»
«Кремль. Соловки»
«Москва – Третий Рим»
«Вечерний звон»
«Самые красивые,
самые любимые»

Везде и всюду проверяй себя –
В Духе ли я Святом?

Серафим Саровский
(в миру Прохор Мошнин)